

КАТЯ ВОДЯНОВА

ДОМ

И ДВА ЖЕНИХА
В ПРИДАЧУ

Катя Водянова

Дом и два жениха в придачу

«Автор»

2024

Водянова К.

Дом и два жениха в придачу / К. Водянова — «Автор», 2024

Я получила в наследство дом! Теперь могу жить отдельно от родителей и не бояться навязанного замужества. Есть и минусы: владелец второй половины - маг, который меня терпеть не может. Еще хуже, что вместе с домом мы унаследовали немало проблем, которые не решить по одиночке.ОДНОТОМНИК! ХЭ!В тексте есть:- герой не подарок;- неунывающая героиня, которую этим не испугать;- устройство быта и вредные соседи;- властные коты и криптография.

© Водянова К., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Катя Водянова

Дом и два жениха в придачу

Глава 1

Письмо из нотариальной конторы застало меня врасплох. Я была средней в довольно большой и шумной семье, в которой за прошедший год, к счастью, никто не умер, откуда бы взяться наследству? Но адрес и имя точно мои, здесь никакой ошибки.

Подышав для храбрости, я закрылась в спальне и скovyрнула магическую печать. Известный в наших краях нотариус сообщал, что мне, Ярине Белокосовой, оставили в наследство целую половину дома! Я еще раз повертела послание, пытаюсь вспомнить, кто же такая госпожа Астрид Вильхоф и почему решила меня облагодетельствовать. Адрес мне тоже ничего не говорил: Лесная, дом один. Где это? Наш Тергород – не так велик, здесь все известно и недалеко друг от друга.

Я бы посчитала письмо чьей-то злой шуткой, если бы не авторитет нотариуса. Если кто-то решится подделать подпись господина Аболонского, скоро непременно окажется за решеткой. Выходит, мне действительно оставили половину дома? Возможно крохотного и разваливающегося, но и он был лучше моего.

Там, по крайней мере, никто не станет пилить, что девушке не стоит забивать голову учебой или работой, лучше поскорее найти мужа. Дальше, как правило, шел список подходящих кандидатов, сплошь состоящий из престарелых вдовцов или великовозрастных детинушек. Мамам о таких уже сложно заботиться в одиночку, оттого они начинают искать безработную и бесплатную няньку им и себе.

Поэтому без пятнадцати три я уже сидела в приемной у нотариуса, чтобы присутствовать на оглашении завещания незнакомой мне Астрид. При этом жутко нервничала: до завтрашнего дня мне надо закончить один сложный перевод и сдать его, иначе не получу гонорар. Оставалось немного, буквально пара страниц, но работать я могла только в университетской библиотеке, дома слишком шумно. И у матушки и ба каждую минуту находились ко мне дела.

Ярина, раз ты дома, приготовь обед! Ярина, проверь у младших домашнее задание. Ярина, пойдем в сад собирать яблоки. Ярина... Ярина... Ярина... Временами казалось, что я ненавижу звуки собственного имени.

– Ярина Вячеславовна? – обратился ко мне секретарь и, дождавшись кивка, вызывался проводить в кабинет, хотя вряд ли бы я заблудилась в широком прямом коридоре.

Внутри нас уже ждал сам нотариус, строгий и серьезный господин Аболонский, и незнакомый мне молодой человек. Он сидел слева за длинным столом, такой высокий платиновый блондин, точно с примесью фейских кровей: уж слишком хорошо сложен и свысока на всех смотрит. При моем появлении он нахмурился еще больше и брезгливо поджал губы.

– Что, раз все собрались, можем приступать, – нотариус постучал стопкой бумаг по столу и прочистил горло. – Итак, почившая третьего дня госпожа Вильхоф в равных долях завещала свой дом, расположенный по адресу город Тергород, улица Лесная, дом один, своему внуку, господину Тиллю Лоуренсу Лайтнеру и Ярине Вячеславовне Белокосовой, которая своими визитами скрашивала ей последние дни.

Смутная догадка завращалась в моей голове. Дом.. Последние дни... Астрид...

– Погодите, неужели бабушка Рита скончалась? – выпалила я. – Она же говорила, что поедет в лечебницу, обследоваться.

Милую, радушную старушку я впервые посетила два года назад, по университетской программе помощи профессорам на пенсии. У нас оказалась одна специальность – переводы со

старорудского. Бабушка Рита, как она сама просила себя называть, охотно и много говорила об этом, разрешала пользоваться своей библиотекой и делилась историями из жизни. Я же взамен помогала ей с уборкой дома, приносила продукты и иногда готовила. О внуке тоже слышала, но по рассказам он выглядел пухлощеким малышом, а не здоровенной фейской детиной.

Даже не верится, что бабушки Риты больше нет. В нашу последнюю встречу она выглядела очень бодрой, все суетилась, наводила порядок и перекладывала вещи, искала какую-то книгу.

Нотариус, не подозревающий о потоке мыслей в моей голове, поглядел с укором и снова постучал документами:

– Госпожа Астрид, происходила из старой чародейской семьи, и хотя сама не имела способностей, наверняка почувствовала приближение смерти. Потому успела привести в порядок дела, убрать дом, переодеться в свое лучшее платье и вызвать себе лекаря. Учтывая отдаленность ее жилья тот прибыл спустя час и нашел Вильхоф уже бездыханной.

– И я буду настаивать на тщательной проверке случившегося полицией, – заговорил Тилль. – Бабушка была вполне здорова, но стоило ей внести абсурдные изменения в завещание, как сразу же скончалась.

Я задыхнулась от возмущения. На что он намекает? Что я убила бабушку Риту? Да как можно?

– Возможно, навещай вы ее почаще, то не говорили бы такого! – вспыхнула я. – Баб... Госпожа Вильхоф не раз и не два жаловалась на сильные боли за грудиной, но приходивший к ней доктор только отмахивался и говорил, что для ее возраста это норма. Я уговаривала ее съездить в больницу, но госпожа Астрид была на редкость упертой.

Внучок тут же сжал челюсти и уставился на меня, как на вошь, но тут в дело вмешался нотариус.

– Лекарь тоже рассказал нам о частых вызовах. Но, могу вас заверить, ничего криминального в кончине госпожи Вильхоф нет. Видимо, просто пришло ее время, – Аболонский помолчал, размышляя над чем-то. – В завещании есть важное уточнение: если кто-то из вас троих до конца месяца отыщет записную книгу госпожи Крыжевской, которую госпожа Вильхоф одолжила и потеряла в своем доме, и вернет ее владелице, то он станет единственным наследником, а другой получит небольшую компенсацию из прочего наследства Астрид. Оно же, за исключением дома, по истечению месяца целиком и полностью переходит во владение ее внука, Тилля. Посему вы можете подписать необходимые документы и пользоваться наследством.

Когда выходила наружу, я до конца не осознавала произошедшее. Бабушка Рита мертва, не верится, что больше не услышу ее скрипучего голоса, не попробую ее печенье с шоколадной крошкой, не посижу рядом, под треск дров в камине... Не выдержав нахлынувших эмоций, я свернула в парк и опустилась на одну из скамеек, где наконец расплакалась. Визиты к бабушке Рите были моей отдушиной и радостью. Она понимала меня и не пыталась убедить, что место женщины за спиной у мужа, а вместо разных сочетаний рун ей следует разучивать рецепты пирогов и то, как нужно чистить столовое серебро.

Я нарочно выбрала удаленную скамейку в парке, но и на нее нашлись еще желающие. Кто-то уселся рядом со мной, обдав тонким запахом травы и соленого морского ветра.

– Наверняка радуетесь своему счастью? – нагло ухмыльнулся Тилль Лайтнер. – Честным трудом вам бы никогда не скопить на такой дом, как был у бабули. Но не волнуйтесь, я не буду настаивать на тщательном расследовании и опротестовать ваше вступление в наследство, если вы не станете возражать против того, что вывезу библиотеку.

До меня не сразу дошел смысл его слов, а когда это случилось, то от возмущения к щекам прилила кровь. Он всерьез обвиняет меня в махинациях ради наследства бабушки Риты? Или хуже того – в ее убийстве?

– Да как вы смеете! – возмутилась я и подскочила на ноги. – Я почти каждый день бывала у нее и помогала с хозяйством!

– Вот и я говорю, что непонятны причины такой доброты. Навевает, знаете ли, нехорошие подозрения. Если бы не заключение уважаемого патологоанатома о причинах смерти бабушки, то вас бы уже допрашивали в жандармерии. Но в ее возрасте даже яды не нужны: дай еды пожирнее, подговори выпить бокал вина или погулять подольше...

Я не выдержала и вlepила ему пощечину, на что Тилль только фыркнул с выражением: можешь и дальше изображать обиженную невинность, но я-то знаю, что с бабушкиным наследством нечисто.

В глубине души мне тоже было неловко от такого подарка судьбы, и попроси он другим тоном, я бы сама помогла ему упаковать и вывезти библиотеку госпожи Вильхоф, но не после таких обвинений!

– Знайте, я намерена найти тот самый блокнот в ближайшее время и приложить все усилия, чтобы вам не досталось даже каталога шляпных фасонов за прошлый год.

– Взаимно, госпожа Белокосова, – процедил он. – Так что не разбрасывайте слишком свои вещички, когда заедете в дом. А зная подобных вам, уже наверняка собрали чемоданы.

– Вы подобных мне еще не встречали! – бросила я, развернулась и поспешила прочь из парка к трамвайной остановке.

Дорогие читатели, приветствую вас в своей новинке) И напоминаю, что эта история еще находится в процессе создания, новые эпизоды будут выходить 3-4 раза в неделю.

Глава 2

Фраза как из бульварного романа, но доля правды в ней была. Девушек на факультете редких и мертвых языков обучалось всего трое, и только одна, то есть я, изучала еще и криптографию. Так что я действительно редкая... молодец, а не то, что обычно говорили другие, призывавшие поскорее выскочить замуж или освоить другую профессию.

Но идти домой не хотелось, поэтому я завернула в университет. На выходных основные корпуса были закрыты, зато в библиотеку пускали спокойно, а там еще осталось несколько познавательных и недочитанных мною книг. К примеру, исследование о разнице в значении некоторых фейских слов в зависимости от того, в какой части предложения они стоят.

Все же удивительный язык и удивительный народ, пускай и почти скрывшийся от людей. Вот в Тилле Лайтнере ничего удивительного не было, кроме внешности. Я еще не встречала таких красивых мужчин, и при этом таких отвратительных! Он будто увидел меня и сразу возненавидел.

Нет, отчасти Тилля можно понять: явилась какая-то незнакомая девица и отхватила себе половину его наследства. Но судя по одежде и запонкам, Лайтнер точно не бедствовал. И навещай он бабушку почаще, наверняка бы пересекся со мной.

Прочитать что-то у меня так и не вышло, тем более запомнить. Все крутила и крутила в мыслях события сегодняшнего дня. Нет, конечно же я не понесусь в дом бабушки Риты в ближайшие дни. Дождусь следующих выходных и тогда, захватив кого-нибудь из родни для уверенности, поеду осматривать дом и искать блокнот. В конце концов я больше всех общалась с бабушкой Ритой, и знаю все места, где она «теряла» вещи. И надо будет кормить котов, вряд ли Тиль о них позаботится.

Дело двигалось к вечеру, когда я все же покинула библиотеку и нехотя отправилась домой. Для чего снова пришлось прокатиться на трамвае, а затем еще идти пешком, до нашей утопающей в цветах улице. Этот район Тергорода был относительно новым, построенным уже при Рудской власти, хотя архитекторы постарались вписать его в архитектуру древнего города. Точнее, древним здесь был только замок и оборонительный ров, поочередно защищавшее то одно, то другое, то третье государство, и еще несколько улиц и разбросанных в окрестностях домов, вроде того, что принадлежал госпоже Вильхоф. Остальная часть города – новостройки, возведенные за последние сто лет, когда правитель Норнга решил выдать эти земли в качестве приданого принцессе, вышедшей замуж за Рудского царя.

Тогда же вокруг сурового замка Кливштадт вырос наш приграничный городок, знаменитый своим университетом, несколькими мануфактурами и шпионскими скандалами, случавшимися здесь раз в несколько месяцев. Формально между Норнгом и Рудой был мир, как и на всем остальном континенте, но это не мешало кипеть работе разведок и контрразведок. А наш городок, постоянно кишачий новыми людьми, подходил для этого лучше прочих.

За такими мыслями я и не заметила, как добралась к дому, прячущемуся за резным забором. Когда-то его выдали отцу, как знаменитому инженеру, приглашенному в местную мануфактуру, и на радостях родители решили произвести на свет сразу пять дочерей. Двое старших уже успели выйти замуж, настал мой черед, и с этим было туго. Не то чтобы я специально отпугивала женихов, они сами сбегали после тонких намеков, что я не собираюсь осесть дома за тем самым серебром и пирогами. Или рассказов о тонкостях перевода рунного письма. А это обширная и благодатная тема, хотя бы потому, что рунами записано подавляющее большинство заклинаний. В том числе те, что считаются сейчас утраченными.

Я снова задумалась и в последний момент заметила, что рядом с нашим домом стоит новенький мобиль. Такой черный, длинный и блестящий, как будто только сошедший с конвейера.

– О, Ярочка, наше солнце! – бабушка с причитаниями выбежала на крыльцо и всплеснула руками. И это насторожило меня куда больше, чем подозрительный мобиль. Обычно она с порога начинала бурчать и вычитывать мне. – Вся-то она в делах, – продолжала болтать бабушка и толкать меня в дом, – вся-то в учебе. Заканчивает в следующем году университет, учится на отлично.

– По специальности редкие и мертвые языки, пишу дипломную о переводах со старорудского, – также мило проговорила я, нарочно повысив голос, затем зашипела на ухо бабушке. – Если там еще один жених, то лучше выпроводите его сами, иначе это сделаю я.

– Иди и не возражай! Ишь! В твоём возрасте женихами не перебирают! – одними губами пробормотала она и пихнула в гостиную.

Здесь уже вовсю шло представление: «Сватовство к Яринке». Мама в лучшем платье подливала гостям чай, младшенькие сидели на диване, чинно сложив руки на коленях и мило улыбаясь, отец прятался за газетой, а за круглым столом восседали серьезная седовласая дама и ее пухлый розовощекий сынок. Такой огромный, что едва помещался на стуле, а пуговицы на его зеленом костюме отчаянно пытались вылезти из петель. Что ж, этот женишок был хотя бы молод: лет тридцать, а то и меньше, не разобрать из-за толстых круглых очков и давно вышедших из моды бакенбардов. Посмотрим, как долго он продержится.

– Макарушка, подай мне ватрушек, хочу попробовать, хорошо ли они удались хозяйке, – пророкотала гостя. Она тоже отличалась немалым ростом и крепким сложением, но все равно была раза в полтора меньше сыночка. А тот жался и робел под маминым взглядом, и на меня косился опасливо, как на дикого зверя.

Но за ватрушками потянулся спор, наверняка и сам хотел попробовать.

По маминому лицу пробежала тень. С тестом она не дружила, всю сдобу покупала в ближайшей пекарне, а убирала дом и готовила в последнее время Глаша, очень дальняя отцовская родня. Ее отправили к нам, чтобы пристроить хотя бы один рот в огромной семье. Глаша оказалась отличной помощницей, но все блюда делала очень простыми, а из выпечки признавала только хлеб, поэтому мама и бывала частой гостьей в пекарне.

Но гостя не подозревала о таких сложностях, поэтому ждала свою ватрушку. Ее необъятный сынок потянулся через стол под явственный хруст своего костюма, а мама тут же ринулась к нему на помощь и опрокинула блюдо. Несчастные ватрушки полетели по полу, вместе с пирожками.

Мама запричитала, прибежавшая Глаша взялась за уборку, моя потенциальная свекровь нахмурилась, а я тихонько стащила со стола бублик и теперь грызла его, вжавшись в стену. Младшие тихонько похихикивали, отчего и отец соизволил выглянуть из-за газеты, правда, ненадолго. Новости-то каждый день свежие, а мои женихи похожи один на другого!

Макарушка единственный невозмутимо жевал что-то и глядел прямо перед собой, потом проговорил на удивление приятным голосом:

– Мне бы поглядеть на невесту, да домой, матушка. К ужину же не успеем, а здесь кормят неважно.

С его комплекцией не грех бы пропустить и этот ужин, и с десятков последующих, но говорить об этом я не стала, подошла ближе и по-мужски протянула Макарушке руку.

– Ярина Вячеславовна Белокосова. Специализируюсь на старорудском, но знаю и другие языки. Вдруг понадобятся переводы – обращайтесь.

– Очень приятно! – он вскочил, задев еще пару блюд, которые при этом жалобно задрезжали. – Макар Петрович Тихомиров. Помогаю матушке управлять помещьем и лесопилкой.

Порывшись в памяти, я все-таки вспомнила мелкопоместных дворян Тихомировых, но земли их были на другой окраине губернии, где леса были такими дремучими, что захочешь, просто так не пройдешь.

Что-то во внешности Макара меня смущало, но вот его рукопожатие оказалось крепким, а ладони – чуть шершавыми. С пухлым, улыбчивым лицом они совершенно не вязались, как и с его круглыми очками или пышными бакенбардами. Но если Макар в самом деле помогал на лесопилке, то там и огрубели его ладони.

– Вот, – вступила мама, – Яринушка наша тоже с детства к природе тяготела. Только и мечтала, что съехать на лето за город.

За город и прямо на минеральные воды, рядом с которыми располагалась крупнейшая в Руде библиотека, но этот факт мама почему-то упустила. А вот на лесопилке мне с моим грядущим дипломом точно делать нечего.

– Возможно, и съеду, – задумчиво потянула я, – когда аспирантуру закончу. Чтобы там, в тиши, писать кандидатскую.

И сразу же прихватила уцелевший пирожок с мясом, и сама себе налила чаю. Расчет был на то, что при гостях меня мама бить не станет, а когда госпожа Тихомирова с сыночком уйдут, и я успею куда-нибудь спрятаться. Женихи ко мне ходили часто, успела уже выработать алгоритм действий.

– Ох, молодежь эта! – подхватила бабуля. – Все мечты у них, да планы. Но да то все временно, вот родится ребеночек-другой, появятся другие думы.

– Докторская, – согласилась с ней я. – Эх, знали бы вы, как хочу я на своей кафедре сменить профессора Свет-Пассельского. Потрудиться, конечно, придется изрядно, но этот старикан доказывал, что женский мозг не приспособлен ни к чему, кроме ведения домашнего хозяйства. Будет справедливо, если я приду на кафедру, а он отправится на дачу к своему тестю, помогать тому с огородом.

Мама тем временем подобралась ближе и отдала мне ногу, криво улыбаясь Тихомировым. Хотя сыночек до сих пор жевал, а матушка хмуро глядела на всех исподлобья. Мои слова ее будто не трогали, как и все происходящее вокруг.

– Нужное дело, – внезапно ответила она. – Не все ж дома прозябать.

Не знаю, кто больше удивился, я или мама, но тишина в гостиной повисла знатная, даже Глаша бросила подметать и выпрямилась, чтобы удобнее было смотреть на представление.

– Правильно мама говорит, – поддакнул Макар. – Да и девушек вокруг красивых много, а умная только у меня будет!

Здесь он, конечно, загнул: становиться «его» я пока не собиралась. Да и чьей-то еще. Знаю этих мужчин: только получают власть, сразу же усадят дома. Меня и отец учиться отпустил только чтоб под ногами не мешалась. К тому же в университете столько молодых людей, кто-то бы мной и заинтересовался. Вначале мне действительно поступали предложения встречаться, а потом оказалось, что ум резко перечеркивает прочие качества.

– Хотя и внешность у вашей Ярины приятная, – в обычной прямой манере ответила госпожа Тихомирова. – Волос длинный, крепкий, цветом как мед липовый.

Я невольно потрогала прическу. Интересно, как она угадала насчет длины? Волосы я собирала на затылке по последней моде. Наверняка прическа уже слегка растрепалась, денек у меня выдался непростой.

– И фигурой хороша, – продолжила она.

– Тонкова, – вздохнул Макарушка.

– Откормишь, – отрезала мать. – Меня после свадьбы твой отец одной рукой поднимал, а сейчас не каждый решится дорогу заступить. У нас в Тихомировке и продукты свежие, и воздух целебный, и нагрузки хорошие. Не заметишь, как крепостью наберешься.

Глядя на ее мощную комплекцию, в рассказы об одной руке не особенно верилось. Но, кто его знает. По словам мамы она тоже была тростинкой в молодости, а с возрастом округлилась. Я же казалась себе даже слишком субтильной. Объемов бы побольше, как у старших сестер...

Ох, домечтаюсь, что стану похожей на госпожу Тихомирову, которая будто лично бревна на свою лесопилку таскает. Тогда точно не понадобятся ухищрения, чтобы женихов отпугивать. И профессора не будут фыркать на мои переводы, даже не взглянув. Да с такой комплекцией, пожалуй, я смогу отстоять свои толкования некоторых сочетаний рун!

– А расскажете подробнее о вашем воздухе и продуктах? – подалась я вперед, несмотря на отдаленную ногу. – И, возможно, вы гимнастику специальную делаете?

– Ярина, ты притомилась за день, поди отдохни, – зашипела на меня мама, а бабушка подхватила под локоть.

– Пойдем, дитятко. Ох и болезная она у нас, несчастная. Мыслимо ли дело, юной девице такие нагрузки в университете этом.

Тихомировы и на этот спектакль не отреагировали, а серьезно скандалить или упираться при гостях было все же выше меня. Потому пришлось покориться бабушке и уйти. Уже в дверях я услышала приятный голос Макарушки:

– Тогда и мы с матушкой пойдем, раз ни ватрушек, ни невест.

Матушка возражала им и просила остаться, а мне на ухо выговаривала бабуля, как некрасиво распугивать женихов. И вообще, умру старой девой, вот тогда и пожалею о своем поведении. А на замечание, что вряд ли на том свете я буду вспоминать Макарушку Тихомирова, бабушка поджала губы и пихнула меня в комнату.

Вот и славно. Я вытащила из кармана припрятанный пирожок, подула на него, в целях самоуспокоения, затем устроилась у окна, читать приключенческий роман о барышне Сорокиной, первой столичной женщине-извозчике. Выдумка, конечно, но полистать для расслабления приятно.

Через несколько минут дверь ко мне открылась, впуская Глашу. Она была на пару лет младше меня, но из-за целого вороха одежек и неизменного платка на голове иногда казалась старухой. И еще опекала меня, как старшая сестра, а то и добрая тетюшка.

– Я вам чаю принесла и булок, – тихо проговорила она. – А то зачерствеют до завтра, ешьте пока свежие.

Точно, если съеду от родителей, заберу Глашу с собой, в школу вечернюю устрою, а потом и в училище. Не век же ей с грязными тарелками таскаться и собирать пыль по углам?

– Гости уже ушли? – спросила я.

– Матушка ваша увела их сад осматривать.

– Думают, раз Макарушке я не понравилась, то он нашим малинником соблазниться?

Глаша вздохнула, поправила платок и взялась взбивать подушки на моей кровати. Несмотря на матушкины увещевания и ругань, Глаша всегда складывала их горкой, игнорируя модные норнские веяния раскладывать их в два ряда с неизменными валиками вперед.

– Не знаю, зачем они вас постоянно сватают, как будто замужем так хорошо. Вот матушка ваша то и дело вздыхает, как ей тяжело без внимания барина Белокосова. Мои отец с мамкой и вовсе целый день лаются, детей наплодили полну избу, а заботиться им не по силам. Я досыта есть только у вас стала.

Я не стала с ней спорить или одергивать. Сама не в восторге от сегодняшнего вечера. Хорошо, они так хотят познакомить меня с женихом. Но можно же предупредить? Спросить о моих планах? Найти хоть кого-то попримечнее, не вызывающего зевоту или рвотные позывы? Помню, прошлый, годившийся мне в дедули, так пропах табаком и мочой, что Глаша еще два дня причитала и проветривала гостиную.

Побурчав еще немного, она все же ушла по делам, оставив меня наедине с книгой и мыслями о сегодняшнем дне. Бабушка Рита оставила мне половину дома! Который, хоть и выглядел странно, на деле бы вместил в себя два наших. А заносчивого господина Лайтнера можно и потерпеть, тем более близко общаться с ним я не собираюсь.

Дверь распахнулась так, что чуть не слетела с петель. Невероятно злые мама и бабушка уже стояли на пороге и выжигали взглядами, у меня аж пирожок в горле застрял.

– Ярина, доколе...

– Пока не прекратите таскать ко мне всю некондицию с Тергородской ярмарки женихов. Серьезно, матушка, вы видите меня на лесопилке в компании господина Тихомирова?

– Ляжет на нашу Яринку, и задавит ее насмерть, – подала голос Глаша откуда-то из коридора.

– Глафира, тебе такого и знать не положено! – переключилась на нее матушка. – Юная девица должна быть стыдливой.

– Оно непросто, когда в избе одна комната, а мамка с папкой беспрестанно младших строгоют. Уж как я рада у вас жить. Пошущукаетесь с баринком раз в месяц тихонечко, кроватью скрипнете, да и все дела.

Мама побагровела при ее словах, поджала губы и перевела взгляд на меня.

– Я по доброте своей найду тебе еще одного жениха, и будь добра, не спугни! – начала воспитывать она. – Никаких разговоров о диссертациях, рунах или, упаси боже, криптоногафии!

– Криптографии, – машинально поправила я. – Это такая наука о шифрах. Весьма занимательная. На самом деле, даже дети играют с шифрами. К примеру, мы с сестрами, когда вели дневники, меняли порядок букв в словах.

– И учебу свою бросай! – рявкнула она. – Забила себе голову непонятно чем, теперь нос от всего воротись! Знаешь, как было сложно с Тихомировыми сговориться?

– Сложнее четырех лет на факультете древних языков? – я не выдержала, вскочила с места и отбросила книгу. – Матушка, я столько сил приложила для поступления и того, чтобы удержаться на факультете, а вы моей судьбой таскание бревен видите!

– Не это! А благополучное супружество! Детей, достаток, счастье.

– Тихомировская порода вон какая крупная, – влезла Глаша, – помрет наша Яринка в попытках таким разродиться.

– Выпорю паршивку, если еще хоть слово скажешь, – рявкнула на нее бабушка и все-таки попыталась догнать шустрюю Глашу. Но та по ее же рассказам, от пьяного отца часами бегала, куда там бабушке с ее больными коленями! А пока будет гонять, то поостынет, поругает Глашу, и успокоится на этом.

Я даже вытянула шею, чтобы разглядеть, как там у них дела, но мама вдруг больно дернула меня за рукав.

– Неблагодарная! Я столько для тебя делаю...

Не считая того, что я жила под родительской крышей, уже давно обеспечивала себя сама. Переводы со старорудского довольно востребованы в среде магов и историков, за них неплохо платят. Пускай девица в качестве специалиста многих смущает, но мой вклады в семейный бюджет был не таким уж маленьким.

– Я тоже многое делаю! – вспылила я. – Не понимаю, чем уважаемый лингвист хуже для семьи, чем девица с бревном на плече?

– Да что ты прицепилась к этим бревнам? Как будто все их таскают!

Ну судя по комплекции госпожи Тихомировой – даже несколько раз в день. Мама наверняка тоже подумала об этом и решила сменить тактику:

– Ярина, ты не мужчина, чтобы становиться профессором. Пора поглядеть правде в глаза: твое место рядом с мужем. И раз уж ты живешь в моем доме, то будешь соблюдать мои правила! Так что готовься встретить следующего кандидата как следует! Третий десяток тебе! Перестарок! Кого найдешь в свои годы? Только нищего студента или заезжего гуляку из Норнга, от которого принесешь в подоле! Я же подбираю хороших женихов, обеспеченных!

Всего-то двадцать один год мне! Но матушка меня и раньше не слышала, теперь тем более. Вот как распалилась: до красных щек и сжатых кулаков.

– Хорошо, – легко согласилась я. – Тогда проживу в своем доме, со своими правилами.

Мама открыла рот, затем закрыла и ушла из комнаты, как следует хлопнув дверью. Я же почувствовала, как внутри все кипит от злости. Может, я ей не родная? Подкинули младенцем? Кто в здравом уме будет сватать родную дочь за всех этих Тихомировых? Ладно, Макарушка из них еще самый приличный, похудел бы на пару пудов, вообще красавец будет. А вот прошлые! Да при виде таких невесты в омут кидаются, лишь бы под венец не идти. А мне их родная мать приводит, в наш просвещенный век, когда девицам разрешили учиться и работать наравне с мужчинами.

Без лишних раздумий я вытащила из шкафа чемодан и начала складывать в него вещи. Хорошо, что прошлой весной мы ездили на воды и купили это клетчатое чудовище, не то пришлось бы нести вещи в покрывале. Как говорили деревенские – узле. Вот это был бы позор. А так – пусть соседи думают, что я отдыхать направляюсь. Или в столицу, посетить там несколько лекций.

На мою возню никто не обращал внимания, только Глаша возникла на пороге через несколько минут, прижимая к себе плетеную корзину.

– С вами пойду, – безапелляционно заявила она. – Вы барышня очень умная, но бестолковая.

– Это взаимоисключающие понятия, – ответила ей, не отвлекаясь от дел.

Так, сложила несколько платьев, белье, теплую накидку, что еще может понадобиться? Прихватить бы и книги, но столько всего разом не дотащу. Буду надеяться, что в матушке жадность победит гнев, и все томики не отправятся к букинисту.

– Вот, – продолжила Глаша, – слова умные знаете, а за жизнь – нет. Книг с собой наберете, а чем ужинать будете, наверняка и не подумали.

Здесь я была вынуждена признать поражение. Насчет еды я действительно не побеспокоилась. А ведь дом бабушки Риты далеко от трактиров и пекарен, там разве что собственноручно зайцев стрелять или идти за грибами. Но тут снова незадача – если дичь я еще отличала друг от друга, то несъедобные грибы от пригодных в пищу – уже нет. Глаша и здесь была куда полезнее.

– К тому же барыня как вас оженит, за меня возьмется, – призналась она. – Так и говорила старшей барыне, мол, надоела мне Глашка, глупая да нерасторопная, надо и ей мужа подыскать. А раз она вас не жалеет, то мне и подавно упыря какого подсунет.

– Хорошо, – сдалась я. – Но учти: платить мне пока за работу нечем, на еду бы хватило. И из дома нас могут в любой момент попросить.

Если, конечно, я первой не найду ту записную книжку и не спроважу Тилля. Вздохнув, я пересказала ей историю, как обзавелась домом и какие с этим связаны сложности.

– Ну хоть глотнем свободы перед неволей, – кивнула Глаша.

Глава 3

Выходить из дома было тяжело. И физически (проклятый чемодан!), и морально. Я же с самого рождения жила с родителями, не отдалялась от них еще ни разу. Незамужним девицам оно и не положено, мало ли, какие слухи поползут, но мне сейчас было плевать. Не захотят меня новые женишки – тем лучше!

Уже ковыляя по садовой дорожке, я не удержалась, бросила взгляд на окно. Там тут же дернулась занавеска. Наверняка мама следила за мной и поспешила спрятаться. Она тоже не верила в происходящее. До последнего ждала, что одумаюсь и пойду прощения просить: жить-то мне больше негде.

Точнее, так было раньше, теперь же у меня есть своя половина дома, пускай к ней в придачу и идет заносчивый, ядовитый, как гадюка, фейский хлыщ! Представляю, как будет злорадствовать, что я так быстро вселяюсь. Еще и не одна, а в компании Глаши.

– Да не горюйте, барышня! – заговорила она, легко шагая со своим невесомым узлом. – Когда меня мамка решила из дома выпроводить да вам отдать, я тоже лежала и ночь плакала. Думала, погибну в городе вашем. А потом приехала, глядь: работы крохи, еды вдосталь, комната у меня отдельная.

– Глаша, это чуланчик под лестницей, – уточнила я. – Вот в новом доме уже будет вполне приличная спальня. У госпожи Вильхоф их десять. Но да, я тоже хочу верить, что перемены только к лучшему.

– Дом свой – это ж еще какое лучшее! Дом – основа всего. Вот прибьется к вам какой мужичок негодящий, а вы его ухватом за шею, да с крыльца! Потому что вы там хозяйка. А хорошего, конечно, можно и приветить.

– Давай только без женихов. С меня прошлых хватило.

Глаша понимающе кивнула и поправила ползущий вниз платок. Дома ее странная одежда не так бросалась в глаза, а здесь, ближе к центру Тергорода, даже прохожие оборачивались. Женская мода до сих пор была консервативной: те же многослойные юбки и закрытый верх. К счастью, сейчас отошли от турнюров и жестких корсетов, сдавливающих ребра. Но все предложения носить женщинам брюки не пошли дальше модных фарузских журналов. Глаша в те точно не заглядывала, а по-простому куталась во все, что попадалось под руку, не заботясь о сочетании цветов и фасонов. Вот сейчас на ней было две цветастые юбки, нижняя длиннее и ярче верхней, длинная вязаная кофта, а поверх – сшитый из лоскутов жилет. Платков она тоже натянула два: тонкий белый и с яркими розами поверх.

– Знаешь, – я вздохнула и решительно поставила чемодан на землю, – в новую жизнь нехорошо идти в старом платье. Пойдем, купим тебе новое.

– Ишь, деньги еще тратить! И это еще не износилось. А в узелке у меня новое есть, не ношенное, из фарузского материала!

– Который бабушка покупала для кухонных полотенец. Идем, Глаша.

Не слушая возражений, я подхватила ее и потащила к ближайшему магазину готового платья. Чемодан оттягивал левую руку и норовил из нее выскользнуть, Глаша причитала и пыталась выкрутиться из правой. Когда же достигли цели, поток ее жалоб стал еще больше. И ткани здесь негодные, и крой ее полнить будет, и цвета душу не радуют.

В конце концов я не выдержала, выдала ей три платья и почти силком затолкала в примерочную. Девушки продавцы смотрели на нас недовольно и поджимали губы, но спорить или пытаться выпроводить не решились. И правильно, я после всех событий сегодняшнего дня была совсем не в духе.

– Злая вы, барышня, – протянула Глаша, выходя из примерочной.

Платье она выбрала самое простое, сшитое из светлой ткани в мелкий голубой цветочек. А поверх надела однотонный жилет. Не самые дорогие вещи, но в них она выглядела обычной красивой девушкой, а не древней старухой.

– Вот отниму платок, тогда и поговорим о моей злобе.

Она снова сжалась в комок и обхватила голову руками, недобро зыря на меня исподлобья. На оплату этого наряда ушла четверть моей стипендии, но оно того стоило. Глаша, хоть и хмурилась, но выглядела довольной. К тому же со дня на день я закончу один большой перевод и с деньгами станет полегче.

Спорить со мной Глаша не стала, но свои старые вещи тоже унесла. И потом не разговаривала все время, пока мы тряслись до окраины города.

Бабушка Рита жила за его пределами, в стороне от дачных поселков и деревень, потому после трамвая нам пришлось идти по тропинке через лес. Вначале Глаша обиженно шла позади, затем подхватила чемодан с другой стороны и пошла рядом.

Под ногами шелестела опавшая хвоя, а разлапистые сосны напитывали своим ароматом воздух. Солнце уже медленно клонилось к закату, здесь и там прошивая крону деревьев золотистыми полосами. Приятная бы вышла прогулка, если бы в мою голову то и дело не лезли мысли о времени. Пока еще солнце уверенно висело над горизонтом, но того и гляди скроется, выпуская осенний холод и лихих людей. Что бы им делать в этой глуши? В Тергороде с его близостью к границе никогда не бывало спокойно.

– Вы, барыня, если топиться с горя удумали или там на сосне вешаться, то могли бы и поближе к городу место выбрать, – пробормотала Глаша.

– Не говори глупости, не буду я страдать из-за очередного жениха или ссоры с матушкой. У меня еще дипломная не дописана и материал для диссертации не собран. Хочу сделать большую работу о различиях толкования рун в магических схемах и обычных текстах. Это поможет точнее и проще составлять заклинания.

– Ох и могучий у вас умище! А смекалка житейская хромает. Была бы в порядке, подсказала бы, когда стоит умищем хвастаться, а когда лучше с Глашкой о погоде поболтать али о грибах.

– Все равно я из грибов знаю только мухомор.

– Я про то и говорю, – покивала она. – Нет смекалки и хитрости, беда это для девки.

– Глаша, я не девка, а действующий переводчик со старорудского и еще пары мертвых языков. В будущем, возможно, полноценный профессор.

– Была я с вами в бане, точно говорю – девка. А нам хитрость нужна и обаяние. Вы же, барышня, как палка прямая и такая же негибкая. Это плохо.

Я не стала комментировать ее слова. Очевидно, у нас с Глашей совершенно разные взгляды на роль женщины и спорить бессмысленно. Для ее деревни наверняка «могучий женский умище» действительно беда. А вот в нашем Тергороде образованная барышня уже не такая редкость. Бабушка Рита смогла прожить ярко и насыщенно, была уважаемым профессором. Вдруг и я так смогу? Тем более и дом у меня уже есть. Половина точнее, вдобавок к которому идет заносчивый и ядовитый, как поганка, Тилль Лайтнер. Даже внешне на нее похож: такой же светлый и тонкий.

Я взглядом зацепилась на растущие вдоль тропинки высокие светлые грибы с тонкими ножками. «Юбочка» на них была совсем небольшой, а шляпки будто бородавками поросли. Большие такие и странные, наверняка ядовитые.

– О, зонтики! – улыбнулась Глаша. – Кабы б не ваш чемодан, насобирали бы сейчас на ужин.

– Угу, у меня как раз есть один кандидат на угощение. Надеюсь, яд в них действует медленно.

– Какой яд, барыня? Мы каждый год такие собирали, по лукошку, еще никто не отравился. Ну разве что дед Василь. Но он столько медовухой баловался, что скорее от нее.

Ладно, и здесь меня Глаша уела. Она определенно ближе к живой природе и больше о ней знает, а мой «умище» здесь бесполезен.

– А вон то, – продолжала она, указывая на грибы с темно-красными шляпками, – сыроежки. Ох и хорошее тут для грибника место, надо будет после ужина прогуляться.

– Глаша, не смей. Добрые люди вечером по лесу не ходят. К тому же здесь волки водятся и кабаны. Не хватало еще влипнуть в историю из-за грибов. Многие ученые мужи считают, что те вовсе и не полезны и плохо усваиваются.

– Так понятно, что не мясо, но вкусно же, – не смутилась она. – Особенно если засолить или там в маринад. На сковородочке, да с лучком, тоже неплохо. Ой, ну вас барыня, разбередили со своими грибами, а собирать запрещаете.

– Взываю к здравому смыслу. Не стоят они такого риска.

– Ладно, утром пройдуся, пока вы спать будете, – простодушно согласилась Глаша.

Я покачала головой и не стала спорить. Хочет бегать по лесу за своими зонтиками – пусть бегаёт. Наверняка такую девицу и медведем не испугать, тем более волками. Те по осени старались не подходить близко к людям, хватало и другой, более простой добычи.

Грибов в лесу действительно было в избытке. Но мы уже подошли достаточно близко к дому бабушки Риты, а ее местные побаивались, считали то ли ведьмой, то ли фейской пособницей. Хотя за все два года общения она не удостоила нелюдей ни единым добрым словом. Была у нее в прошлом какая-то неприятная история, связанная с ними, но подробностей я не знала.

Местных отчасти можно было понять: ну где это видано, чтобы одинокая женщина в компании двух котов обосновалась в глухом лесу? Притом, высоких заборов бабушка Рита не держала, как и охранников или злобных псов. К ней изредка приходили люди из ближайшей деревни, помогали с работой по дому, но близко она общалась только со мной и той самой госпожой Крыжевской, которой хотела отдать записную книжку.

И вот оказывается, что у бабушки Риты есть внук! Еще такой взрослый, заносчивый и мерзкий.

– Не любила ваша барыня Вильхоф людей, – первой заговорила Глаша.

– Она была очень милой и сдержанной.

– В глушь забралась, точно ведьма, чтоб ни одной живой души рядом – от милоты или сдержанности?

Я не нашлась, что ответить. Не раз слышала от бабушки ее рассказы о том, как она устала от студентов за годы преподавания, потому такое место для дома и не вызывало удивления. А сейчас после слов Глаши задумалась. Вокруг Тергорода хватает деревень и дачных поселков, бабушка Рита могла обосноваться в любом, но почему так упорно держалась за дом? Он ведь, насколько помню, не ее родовое гнездо. Астрид купила его уже в преклонном возрасте, за пару лет до выхода на пенсию.

– Или же делишки темные проворачивала, – Глаша понизила голос до трагического, почти театрального шепота. – Подальше от чужих глаз и полиции.

– Ох, перестань! Госпожа Вильхоф всю жизнь посвятила переводам с мертвых языков и преподаванию, что такого зловещего она могла проворачивать? Обычная одинокая старушка, живущая в глуши с котами.

– То вы про нее знаете. А как оно на самом деле было – загадка. Уж простите, барыня, но бабушка ваша самоназванная ни про завещание вам не сказала, ни про внука. Отчего ж при милоте своей шарфы ему не вязала или не отправляла посылки с вареньем? Ваша, вон, пусть и бранится, а до сих пор проверяет, по погоде ли оделись и не зачитались ли не евши.

– Глаша, тебе с такими мышлением в следователи необходимо, или контрразведку.

Она вздохнула, наверняка замолчав новое замечание о том, как мешает жить умище, но я не стала продолжать разговор. Проклятый чемодан оттягивал все руки, а каблуки туфель постоянно норовили подломиться или застрять в ямке. Вернусь в город, первым делом куплю себе галоши или сапоги. Специально для прогулок вокруг нового дома. Еще нужно будет одежду потеплее и что-нибудь на голову. Пока шли через лес, я успела здорово продрогнуть. Раньше ведь ходила сюда с корзинами, не такими тяжелыми, потому бежала быстро, сейчас же еле плелась, а без Глашиной помощи уже давно бы бросила чемодан и шагала налегке.

Наконец мы добрались до уже знакомых мне кустов шиповника, за которым начинался одичавший парк рядом с домом. Яркие ягоды здесь казались особенно крупными и оттягивали ветки, Глаша снова запричитала, что нарвала бы себе такие под отвар. Затем мы прошли еще немного по узкой дорожке и остановились.

– Ух, да здесь целая усадьба!

– Десять спален, – ответила я.

Дом действительно был большим, при этом несколько бестолковым. Бабушка Рита рассказывала, что его построили веков семь-восемь назад, когда на этих землях вовсю резвились феи, а территория будущего Тергорода принадлежала гальтам. Вообще это место столько раз меняло хозяев, что по одному ему можно отследить всю историю этой части континента.

В те времена строили основательно, крепко. Людям было непросто выживать в суровых краях рядом с феями и другой чудью. А еще были дикие звери, разбойники, соседи, могущие прийти с набегами в неурожайный год. Оттого часть дома была сложена из больших и крепких камней, окна имела маленькие и узкие, сейчас ползущие к земле.

Но годы шли, мир менялся, в него приходило более совершенное оружие, а феи с их магией постепенно исчезали, уходили восточнее, в глухие леса. Тогда хозяйка дома решили добавить к нему еще одно крыло. Побольше, со спальнями, купальней, каминами.

Верхний же этаж надстраивали в конце прошлого века, лет пятьдесят назад. Тогда в моду вошло все открытое и летящее, воздушное и невесомое. Так у дома появился круговой балкон и вычурный флюгер с играющей на флейте феей. Более старые части дома попытались замаскировать плетущимися розами и диким виноградом, но те все равно проступали, как шрамы у старого бойца. Это место определенно хранило свои тайны и не собиралось их так просто раскрывать.

Глава 4

С Астрид Вильхоф, бабушкой со стороны матери, Тилль виделся редко. Она предпочитала жить в Руде, где очень долго преподавала в университете, мать с отцом – в самом центре Норнга, поближе к Королевской магической академии. А в столичном пригороде жила бабуля Хигге, румяная и добродушная владелица собственной сыроварни. Она обожала Тилля и всегда искренне радовалась, а не поджимала брезгливо губы, как Астрид. Та не смогла простить единственной дочери короткую интрижку с гостем из фейского народа, от которой и родился Тилль.

На счастье Альмы, ее беременную встретил Ганс Лайтнер, совсем не испугавшийся чужого ребенка. Он всем сердцем принял пасынка и никогда не попрекал происхождением. Тем более с возрастом Тилль стал проявил тягу к магическим наукам, тогда же Астрид вконец разругалась с дочерью. Через пару лет они все же помирились и с тех пор поддерживали нейтралитет, но и близости между ними не было.

Тилль же всегда чувствовал, что раздражает и злит бабушку, поэтому старался видаться с ней пореже. И тем не менее он не ожидал, что она завещает половину своего дома какой-то посторонней профурсетке! И не просто половину, а еще припишет дурацкое условие о записной книжке.

В самом доме Тилль не нуждался: не любил бывать в Руде, кроме того, уверенно делал карьеру в министерстве магической безопасности, и мог себе позволить какое угодно жилище. Но библиотека! У Астрид было собрано столько редких и важных книг о магии и феях, что подумать страшно. Они бы здорово пригодились для его работы и не только.

Тилль и сам собирался приехать и навестить Астрид, заодно поискать в ее библиотеке ответы на свои вопросы. Но не срослось. С работы его отпускали неохотно, да и сам постоянно откладывал встречу. Эти недовольно поджатые губы той, что приходилась ему бабушкой, презрительный взгляд, разговоры о том, как оступилась его мать... Столько лет прошло! Альма Лайтнер – уважаемая женщина, известный переводчик с фейского, а Астрид все не могла простить той ошибку далекой молодости.

И словно бы в наказание за нее же решила поделить дом и библиотеку между Тиллем и этой аферисткой. Госпожа Белокозова и сама отчасти походила на фею: вся такая тонкая и изящная, как статуэтка, и глаза такие выразительные, особенно когда злится. Неудивительно, что одинокая и больная Астрид поддалась на ее чары и решила оставить такое солидное наследство.

В пекло бы дом, но библиотека! Тилль не мог упустить это сокровище, поэтому прямоком от нотариуса отправился искать треклятую книжку. Астрид была уже немолода, не могла спрятать ее далеко.

За несколько часов он проверил все ящики письменных столов, комоды, пролистал скопившуюся за пару недель почту и нашел даже неоправленное письмо к нему, которое Астрид переписывала трижды, судя по черновикам. Она расплывчато намекала на разногласия между ними и просила приехать для важного разговора, но затем перечеркнула все и так оставила.

И от этого было тяжело на сердце. Вдруг если бы он поторопился, то успел бы поговорить с Астрид? Помирился. Узнать, почему же она его так ненавидела.

Но судя по тому, что завещание было составлено больше года назад, Астрид особенно не желала налаживать отношения с внуком. Наоборот, скорее поиздевалась, заперев его в доме вместе с Белокозовой, рыжеватой на самом деле с россыпью веснушек по тонкому носу. Которые наверняка сама и подрисовала! Нельзя верить таким прожжённым обманщицам!

Тилль со злостью задвинул ящик шкафа, в котором хранилась целая груда каких-то бумажек, но ничего похожего на записную книжку. Итого за половину дня работы он откопал две

поваренных книги, одну с адресами знакомых, одну для счетов и целую стопу блокнотов с расписанием занятий и оценками студентов, которые наверняка уже давным-давно ходят с проседью и нянчат внуков.

Еще за ним везде ходил подозрительный белый с темными лапами кот. Такой любопытный наглый, что и не отпихнешь! Зато сам кот постоянно норовил потереться о Тилля, а то и упасть под ноги, чтобы лишиться равновесия. Кот буквально следовал за ним по пятам и ни на минуту не оставлял одного.

– Надеюсь, рыжая госпожа Белокосова будет тебя кормить, потому что мне этим заниматься некогда, – Тилль поднял наглеца на руки, чтобы хоть так успокоить.

На пороге гостиной стояла крайне злая Ярина в компании еще одной, такой же светленькой, девушки.

– Здравсти, барин! – добродушно улыбнулась та. – Мы к вам на постой.

– К себе, – змеей прошипела на нее Ярина. – И никакая я не рыжая! В модных фарузских журналах такой цвет называется «медовый блонд». В наших – «цвет пшеничного колоса».

Тилль недоверчиво покачал головой, затем подхватил аферистку под руку и дотащил до зеркала, а сам стал с ней рядом.

– Вот это блонд, – он указал на свои почти серебристые волосы, – а у вас – рыжина. Можем даже пряди сравнить...

Он потянулся к ленте, которая удерживала волосы Ярины, но та споро отскочила и стукнула его по пальцам.

– Что вы себе позволяете?

– Всяко я видала, – влезла ее спутница, – но чтобы барин с барыней косами мерились – впервые. Вы милуйтесь тут, а я пойду чего приготовлю на кухне.

Тилль собрался было возразить ей, и Ярина тоже приоткрыла рот, но в итоге вдвоем промолчали. Не стоит спорить с единственным человеком, готовым стряпать.

– Это кто вообще? – поинтересовался Тилль, когда они остались в одиночестве.

– Глаша, моя... подруга, – неуверенно ответила Ярина, затем подобрала складки светлого, по фарузской моде сшитого платья, и изящно присела, чтобы погладить кота.

– Боль ты мой бедненький, Болюшка мой сладенький, оголодал тут за день...

– Да, покормите его, заодно подумайте над суммой откупа, за который согласитесь забрать кота и переселиться в город, подальше от дома Астрид.

Вышло грубовато и не за тем госпожа Белокосова ехала в такую даль, чтобы так просто сдаться, но попробовать-то стоило!

– Вы тоже можете паковать свои надраги и убираться. Я проводила здесь куда больше времени, и наверняка быстро найду записную книжку. И громить все подряд мне для этого не придется.

Она оставила кота, выпрямилась, задрала нос и отвернулась к шкафу. Тилль тоже не стал возражать и продолжил поиски. Библиотека Астрид была так обширна, что не вместились в специально отведенную комнату и медленно расползлась по дому. Шкафы с книгами ютились в коридоре, втискивались в спальни и захватили солидный участок гостиной. Даже на кухне нашлась целая полка, уставленная потрепанными томами. Их Тилль осмотрел в первую очередь, но нашел только потрепанное домоводство и несколько сборников рецептов. Один даже написанный лично Астрид, как будто она умела и любила готовить.

Ярина плавно двигалась вдоль шкафов, просматривая полки. Затем подошла к столику и перевернула корзину для рукоделия, лежанки для кота, даже заглянула под цветочные горшки. Возможно, она действительно лучше знала Астрид и та на старости лет повредила умом, но Тилль придерживался более стандартной схемы поиска.

Они так и двигались по гостиной, как два дуэлянта, присматриваясь друг к другу и оценивая перед очередным ударом. Ярина была опасным противником: хитрым, стойким, воле-

вым. За почти час она не проронила ни слова и не попыталась давить на жалость, просто методично осматривала все уголки гостиной и краем глаза следила за успехами Тилля.

А самым значительным из них был словарь старорудского, где отыскились таинственные надраги, они же портки. Надо же какая образованная девица! Но нотариус и говорил, что они познакомились с Астрид где-то в университете. Возможно, Ярину направили помочь бывшему профессору, и она тут же на месте сориентировалась, как очаровать беззащитную старушку. Ведь просто так половину дома не оставляют!

– Баре, пойдете ужинать! Пока эти демоны проклятущие все не пожрали поперед вас!

– Раньше вас, – поправила ее Ярина, а Тилль остановился, пропуская ее на выход первой.

Хотелось снова отпустить какую-нибудь колкость, но магическое слово «ужин» заставило его прикусить язык. Своей еды Тилль не захватил, а добираться отсюда до ближайшей харчевни или ресторана не меньше часа. Все же Астрид ценила уединение. Это, кстати, натолкнуло его на одну мысль.

Тилль догнал Белоковову и спросил:

– Вы говорили, что часто навещали бабушку. И позвольте спросить, как же вы сюда добились?

– На метле, – огрызнулась она.

– Дык у нас по городу трамваи ездят, а барыня обращаться с ними обучена, – Глаша чуть замедлилась, чтобы вклиниться в разговор. – Это транспорт такой. Ездит на магдвигетеле, вагончики в нем есть и сиденья жесткие. Едешь и трясешься, чух-чух, чух-чух. А от остановки можно и пешком пробежать, что те пару верст по лесу? Мы за грибами бывало и по пять в одну сторону ходили.

На это Тилль не нашелся, что ответить. Действительно, почему он не додумался до такого простого варианта? Наверное не привык к тому, что молодые девушки в Руде свободно перемещаются по городу и не думают о сопровождении. Но они и учатся здесь наравне с мужчинами, в Норнге такое пока не практикуют.

– А если разбойники попадутся, барыня, видимо, ругает их на старорудском?

– Так она и стрелять обучена. Из этого, риволера.

– Револьвера, – снова поправила ее Ярина. – Хотя винтовка мне привычнее и дальность у нее лучше.

Вначале Тилль хотел хмыкнуть, затем вспомнил, что рудский царь Павел Иоанович как-то постановил обучить всех девиц до тридцати стрельбе из огнестрельного оружия и всячески содействовать его покупке. Решил таким образом побороться с грабителями на улицах и вызвал всплеск преступлений на бытовой почве. Споры насчет закона до сих пор велись, но и лихих людей в Руде поубавилось.

И все равно хрупкая Белоковова плохо представлялась с тяжелой винтовкой в руках. Снесет болезную отдачей, а то и кости переломает.

– А вы тоже умеете стрелять? – на всякий случай поинтересовался Тилль у Глаши.

– Что вы, барин! У нас на всю деревню одно ружье было, у старосты, какая уж там стрельба? Но могу по-простому сковородой огреть али лопатой по хребту. С серпом еще обращаюсь ловко, да и цеп...

– Уже начинаю думать, что рудских девиц втайне тренируют для похода на Норнг.

– Что мы не видали в том Норнге? Колбасы да пиво? Вот как бы б на Фарузу, за духами и бельем кружевным, новомодным...

– Обещаю, что как только найду записную книжку, то куплю вам обеим по комплекту, – заверил ее Тилль.

Ярина остановилась, сжала кулаки и почти налетела на него.

– Скорее это я куплю вам кружевные панталоны! Можете начать присматривать цвет и фасон в каталоге!

Можно было бы еще поспорить, но они как раз добрались до столовой. Тилль остановился у стола, а обе барышни последовали дальше, к кухне.

– Вы не собираетесь накрывать на стол? – спросил он.

– Думали, по-простому посидим, – невозмутимо отозвалась Глаша. – Но коли вам не по чину, то препон чинить не будем, и руками кривыми деревенскими красоту портить.

«Хочешь возиться с сервировкой – можешь начинать, а мы тебе не прислуга» – вот что прозвучало в ее голосе. Но спорить Тилль не стал: желудок и так сводило от голода, а еще он жутко устал от поисков и хотел просто вытянуться на кровати.

На кухне тоже стоял большой и длинный стол, на котором заботливая Глаша уже расставила тарелки и приборы. Затем она засуетилась вокруг плиты и разлила по тарелкам густой ароматный суп с крупными кусками мяса.

К нему подала целую гору ароматных лепешек с сыром и зеленью, а еще поставила рядом с каждым по чашке горячего травяного отвара. Пахло все это просто одуряюще, Тилль с трудом дождался, пока девушки займут свои места и только тогда зачерпнул суп ложкой.

На вкус тот тоже не подкачал. Был в меру наваристым, овощи и приправы хорошо сочллись по вкусу, а мясо легко жевалось. Тем более его было столько, что одной тарелкой Тилль вполне наелся, а лепешку прихватил от жадности.

– У вас определенно талант, Глафира, – похвалил он.

Барышня Белокозова свою порцию так и не одолела, но выглядела довольной и даже откинулась на спинку стула.

– Спасибо на добром слове, меня бабушка готовить учила. У нас-то дома столько народу, что хоть мешку пороссячью на стол поставь – разметут в мгновение, мамка потому никогда и не старалась особо.

– Все равно, вы прекрасны, – здесь Тилль не слишком и лукавил. Пускай Глафира и выглядела довольно простой, даже какой-то серой, при этом словно светилась изнутри. А уж как готовила! Замечательная девушка, не чета пронырливой Белокозовой. – И немного примиряете меня с мыслью ночевать под одной крышей с этой смазливой аферисткой.

– Вы за свое достоинство боитесь или кошелек? – ехидно поинтересовалась Белокозова.

– Та чего бояться-то? – поинтересовалась Глаша. – Вы дверь-то на щеколду и шкафом подоприте, так и спать будет спокойнее. Али выберите себе комнату за библиотекой. Барышня книги как увидит, так и нападает на них, как упырь на маковые зерна. И пока не перечитает все, с места не двинется.

– Нашему дорогому соседу и так не о чем волноваться.

Ярина встала и начала собирать тарелки. При этом бахала им так, что стало понятно, долго сервиз не протянет.

– И то верно, вы ж и с собой половину чемодана книг взяли. – Договорив, она повернулась к Тиллю: – Спите спокойно, барин! На сегодня у нее запас есть, а до завтра еще дожить надо.

– Глаша! – возмутилась Ярина. – Да с чего бы нам не доживать?

– Не знаю. Место здесь беспокойное, мрачное. Идешь по коридору, а от стен будто могильным холодом веет, особенно вот там.

Она указала на отрезок коридора, ведущий к винному погребу. Тот действительно выглядел так себе: пыль, лохмотья из паутины и заржавевшая посуда, которую туда сваливали, как в кладовку.

Тилль взмахнул рукой, мысленно проговаривая нужные слова, и бросил поисковую сеть на нечисть. Заклинание было совсем простым, для первокурсников, но у него тут же заломили виски и зубы свело от боли. Колдовать ему запретили врачи, убеждали ждать восстановления. Только время шло, а оно все никак не наступало. Потому Тилль время от времени срывался и призывал магию.

Сейчас от заклинания его чуть не накрыло приступом мигрени, зато и никакого отклика от нечисти не последовало. Дом был чист, если не считать неправильного магического фона. Предвидя бессонную ночь, Тилль запустил еще одно заклинание и увидел серьезную магическую защиту на доме, которая сейчас была завязана на него и Ярину, как хозяев. Спасибо Астрид, удружила напоследок.

Одно было хорошо: при таких слоях защиты можно пару дней в осаде просидеть. От местных разбойников она точно защитит, как и случайных воров. Но от тех и свора псов неплохо спасает или пара слуг с милыми сердцу барышни Белокосовой винтовками. Оттого оставался вопрос, зачем же Астрид отвалила целое состояние за такую защиту?

– Призраков здесь точно нет, – заметил Тилль. Провел рукой по носу и почувствовал горячую и липкую кровь под ним. Доколдовался. Надо было головой думать и вызвать профессионала из Тергорода. Подумаешь, заплатил бы тому пару золотых рудов, зато не опозорился бы так перед девушками.

Те сейчас стояли напротив и испуганно хлопали ресницами. Что более высокая и нескладная Глаша, что миниатюрная Ярина.

– У меня есть много знакомых специалистов по магическим недугам, – внезапно ответила она. – Могу дать рекомендации и контакты.

– Со мной все в порядке, – огрызнулся Тилль. – И хотел бы я знать, откуда у неодаренной такие знакомства.

Всех студентов постоянно проверяли на магические способности, и раз Белокосова до сих пор не носила значок мага, то и способностей в ней не наблюдалось. Тилль сейчас тоже ходил без такого: комиссия забрала после того, как его признали негодным к дальнейшей службе.

– Наши предки знали не только множество заклинаний, но и разных способов лечения пострадавших от магии. Записывали это, как вы понимаете, не современным языком. Вот оттуда у меня такие знакомые. И доброй ночи вам, сударь. Пусть приснится что-нибудь о родном Норнге, чтобы тоска по нему заманила обратно.

– А вам – женихи и вышивка, надеюсь, тоже куда-нибудь заманят.

От его слов Ярина покраснела, сжала кулаки и молнией выскочила из столовой, оставив Тилля наедине с грязными тарелками. Глаша тоже изобразила неловкий книксен и извиняясь произнесла:

– Интересный вы, сударь, колдун, но барыне моя солидарность важнее. Отбуду. Ей завтра вставать рано, чтобы в город добраться, а я хоть завтрак сделаю. Что предпочитаете? Барыня моя всеядная. За книжками бывает и не заметит, что на тарелке. На прошлой неделе похвалила мои оладьи, а то были печеночные котлеты.

– Глаша, ты какое-то чудо. Если сделаешь сырники, я на тебе женюсь.

– Скажете тоже, барин, – она слегка покраснела и опустила взгляд. При этом Тилль чувствовал, что за этим нет особого интереса, скорее смущение от самой темы.

Из чистого упрямства я еще раз обошла гостиную и проверила все места, где могла лежать записная книжка. Затем поднялась на второй этаж новой части дома и осмотрела спальню бабушки Риты.

Та была идеально чистой, будто хозяйка действительно знала о крадущейся смерти и как следует к ней подготовилась. Идеально ровное покрывало, выстроенные по размеру подушки с вышитыми наволочками, поникшие цветы на подоконнике. Я вздохнула, сходила за водой в ванную и полила их. А когда обернулась, то вскрикнула от неожиданности: прямо посреди кровати уместился черный Страх и смотрел на меня тяжелым, немигающим взглядом.

Глупо как вышло! Это же обычный кот, а не призрак или фейский маг с белоснежными волосами.

– Тебе тоже тяжело без Астрид? – спросила я и села на край кровати, затем попыталась погладить Страха. – Душевная она была женщина.

Кот внезапно прижал уши и зашипел на меня, затем больно проехался когтями по протянутой руке. Я вскрикнула от боли и неожиданности, а дальше с недоумением глядела, как рассеченная кожа начинает алеть от выступающей крови.

– Ай, барыня, как так! – возникшая на пороге Глаша всплеснула руками, затем схватила полотенце и непочтительно замахнулась на кота, но тот успел сбежать раньше. – Пшел, паршивец! А я тебя, стервь пушистую, еще супом угощала.

– Ему же нельзя суп, можно просто отварное мясо без специй, – ответила я. А Глаша тем временем подошла ближе, покачала головой и по-хозяйски влезла в шкаф, откуда вытащила еще одно полотенце. Затем села рядом со мной и начала затягивать руку, чтобы остановить кровь.

– Может и нельзя, но они с второй хвостатой приبلудой вылизали миски дочиста и еще потом сидели, глазели на меня, просили добавки, пока я их на двор не выгнала.

– Глаша, это домашние коты, им нельзя на улицу.

– А то что, мыши затопчут? Это ж не корова нежная или козочка там, а самая настоящая хищная стервь, которую ни одна другая тварь не тронет.

– Ты не кошатница, – вздохнула я.

– Деревенская я, а там трепетание перед хвостатой нечистью не в ходу. Идемте, барыня, поищем, чем царапины обработать, не то занесем заразу. Да и комнату вам еще выбрать надо.

– И тебе. Ты теперь не прислуга, а моя гостья, можешь выбирать любую.

– Нет уж, лучше я буду за хозяйством приглядывать. Гость же как: побыл немного – и восвояси пора, а мне идти некуда. Да и надо кому-то за домом следить и еду готовить, пока вы с молодым барином милуетесь и книжку записную ищете.

Я поглядела на нее с укоризной, но дальше спорить не стала. Хочет придумывать себе невесть что – пускай, я-то точно знаю, что никакого милования между нами нет. Тилль спит и видит, как бы меня отсюда выставить.

Удачно вышло, что он обосновался в другой, старой части здания, и нам не грозило столкнуться с ним в коридоре поздним вечером.

Царапины оказались глубокими и до сих пор кровили. Я морщилась и отворачивалась, пока Глаша заливала их шипящей жидкостью из флакона, затем туго бинтовала. Как бы шить не пришлось! Будет обидно обращаться к доктору из-за чужих котов. Точнее, наверное, уже моих, ведь больше о бедолагах позаботиться некому.

С царапинами мы провозились достаточно долго, пора было уже укладываться спать. Я обошла несколько комнат, пока не нашла одну, достаточно светлую и отдаленную и от Тилля, и от бывшей спальни бабушки Риты. Она была доброй женщиной и наверняка уже отбыла в лучший мир, но все равно по спине мурашки бегали. Тем более дом старый, за столько лет в нем наверняка случилось немало смертей.

Пока мы с Глашей перестилали постель, постоянно казалось, что за мной наблюдают. Но на поверку это оказался снова Страх, неизвестно как пробравшийся в комнату. Кот сидел на шкафу и сверлил меня янтарными глазищами.

– Ай ты стервь! – заметила Глаша. – Слезай, пойдем еще по кухне с тобой порыскаем.

Кот попятился назад, пока не скрылся из виду, затем внезапно появился из-за шторы и недоверчиво подошел к Глаше.

– Идем, идем, мерзота пушистая!

Он обиженно мурлыкнул, затем действительно потрусил в сторону кухни. Вот значит как! Я с желанием погладить для него не слишком хороша, а Глаша с мерзотой и стервью – в самый раз? Наверное, от нее просто едой пахнет, поэтому Страх и ведет себя так благодушно. На бабушку Риту он тоже никогда не шипел. Правда, не ластился и на руках не сидел, как и Боль.

Закончив с постелью, я ненадолго сходила в ванную и вернулась в спальню, погасила свет, кроме ночника, и влезла под одеяло. Вроде бы удобно. Матрас в меру мягкий, хорошо держит спину, подушки даже получше моих. И все равно было не по себе. Моя кровать была узкой, а здесь бы и поперек поместилась.

Еще казалось, что Страх снова пробрался в комнату и смотрит на меня, или крадется в темноте, ступая мягкими лапами. А все несуществующие призраки пятисотлетнего дома собрались на пикник у моей кровати, и кружат вне светового круга, выжидая, когда же закрою глаза.

Я даже подкрутила светильник, вынуждая его гореть чуть ярче. Но слабенького осветительного кристалла было маловато на такую большую комнату, и тени стали только гуще.

В конце концов я так накрутила себя, что чуть не вскрикнула, когда открылась дверь. Но через нее вошла вполне привычная Глаша, совершенно нормальная и не потусторонняя.

– Что-то боязно мне одной у себя, – произнесла она, – можно у вас переночую? Не стесню, на тахте лягу.

– Ложись, – согласилась я и лично оттащила Глаше подушек и одеяло. Хорошо еще, что тахта здесь была пошире моей старой кровати, и довольно мягкой.

– Непривычно мне, – произнесла она. – Что не дома и не у вас.

Мне-то как непривычно было! Ведь кроме той поездки на воды и не ночевала нигде, кроме своей спальни. А вот Глаша, помню, рассказывала, как пряталась от пьяного отца на кладбище. И после этого ей страшно одной в комнате?

Скорее уж увидела, как у меня руки трясутся, и пришла поддержать, пусть для того и придется ночевать на тахте. И сюда наверняка не просто так пришла, а чтобы не бросать глупую барышню в одиночестве.

– Спасибо, Глаша, ты золото, – выпалила я.

– Странное говорите, барыня, отдохнуть вам надо. Спокойной ночи.

– Спокойной.

Затем я убавила свет кристалла и устроилась на подушках. Возня и сопение Глаши, а также слова молитвы Ночи Таительнице, которые она едва слышно бормотала перед сном, успокаивали и нагоняли сон. Я и сама не заметила, как голова стала совершенно пустой, а тело легким-легким.

Глава 5

За несколько лет на госслужбе Тилль привык ночевать в совершенно разных местах. Постепенно его требования приблизились к уровню: не под открытым небом – уже хорошо, а если нет клопов – то почти отлично. Спальня в доме Астрид по его классификации относилась к ночевке высшего класса. Удобная постель, тишина и отсутствие всякой живности, кроме котиков. Точнее одного, белого с темными лапами, который так и следовал за ним по пятам. Даже спать устроился в кресле, чтобы оттуда наблюдать за Тиллем.

Его радость омрачала только рыжая барышня Белокозова, которая оккупировала одну из комнат в другом крыле здания. Тилль нарочно ушел подальше, в старую часть здания. Суевериями он не страдал, так что не боялся возможных призраков, как и сквозняков, гулявших в этих каменных стенах.

Так что к утру чувствовал себя вполне отдохнувшим и полным сил для нового витка поисков. На службе ему выделили целых две недели для улаживания семейных проблем, и этого наверняка хватит.

Тилль медленно шагал по лестнице на первый этаж, а оттуда – на кухню, толкаемый аппетитным запахом грядущего завтрака, и думал. Гостиная была самым очевидным местом, где Астрид могла хранить записную книжку Крыжевской, но вчера они на пару с Белокозовой перебрали там все буквально по листику и ничего не нашли. Оставалось тщательно осмотреть библиотеку и спальню, вдруг Астрид любила зачехлить пару чужих продуктовых списков перед сном?

И вот еще один крайне любопытный вопрос: зачем кому-то одалживать свою записную книжку? Ладно бы справочник или художественную литературу, сборник рецептов, на худой конец, но записи? Для чего? Надо бы съездить к этой Крыжевской, расспросить хотя бы про внешний вид ее книжки, заодно и о содержимом.

На его беду на кухне уже завтракала Ярина, такая же собранная и застегнутая на все пуговицы, что Тиллю стало неловко за свои домашние брюки и развязанный ворот на рубашке. Но если барышню это травмирует – она всегда может вернуться туда, откуда прибыла.

Она в самом деле одарила его негодующим взглядом, сквозь зубы пожелала доброго утра и снова вернулась к еде. Точнее – к пышным и ароматным сырникам, горка которых уже росла на блюде в середине стола.

– Глафира, ты настоящее чудо.

Тилль устроился за столом и быстро набросал сырников себе на тарелку и задумался, взять ли к ним сметану или варенье. Затем положил того и другого, чтобы решить в процессе.

Готовила Глаша действительно неплохо, без ресторанных изысков, зато по-домашнему, как бабушка Хигге. Если откусить сырник и прикрыть глаза, можно было мысленно вернуться в детство. Когда Тилль еще был веселым и беззаботным, постоянно ходил со сбитыми коленками и обследовал все леса в округе. Сейчас он если и оказывался в них, то исключительно по службе, и уже не из желания побродить и осмотреться, а только спрятаться, догнать кого-то или найти спрятанный предмет.

– А кем вы работаете? – спросил он, обращаясь к обеим девушкам. – Ну когда не обхаживаете одиноких старушек.

– Режу косы невоспитанным нюрнским магам, иногда – вместе с их бестолковыми головами, – огрызнулась Ярина и повыше задрала подбородок. При ее невысоком росте и хрупком сложении выглядело забавно, будто воробушек злится, Тилль даже не удержался от улыбки. Может она и аферистка, но на убийцу точно не тянула, как и на злого цирюльника.

Тилль давно привык к тому, что его дразнят из-за длинных волос. Но нечеловеческая отцовская кровь заставляла их расти с невероятной скоростью, замедлялись они, когда дости-

гали лопаток. В таком состоянии Тилль их и поддерживал, не пытаясь следовать моде. Он вообще сильно выбивался из толпы. Если «четвертинок» было не так уж и мало, то полукровки в последние годы почти не встречались. Феи все больше и больше отдалялись от людей, не хотели перемешиваться с ними и делиться магией.

Обычные, человеческие маги тоже встречались, но куда реже тех, в ком текла фейская кровь. В стародавние времена с этим было проще, тогда знали, как пробудить магию. И до сих пор все заклинания произносят либо на фейском, либо на старорудском.

– Не работаю я, образования не имею, – ответила Глаша, вырывая его из раздумий, – раньше помогала по дому родичам, теперь вот думаю на завод пойти или фабрику. А барышня учится пока на факультете старорудского, кафедры мертвых языков. Шибко она умная у нас. И там же переводами подрабатывает, потому зря вы так насчет старушек.

– В тебе-то я уверен, давно не встречал такой милой девушки.

– То в вас сырники говорят, – зарделась она.

Ярина же не стала ничего комментировать, просто выскочила из кухни. Невозмутимая Глаша продолжила возиться с посудой, напевая себе под нос. Мотив был простым и прилипчивым, а слова звучали, как просьба помочь с работой и дать побольше сил. Странно, что Глаша обращалась к Ночи, а не к Земле или Солнцу, как часто делали в этих краях. Изредка звали Лес, как и сам Тилль. Но может быть Глаша просто услышала от кого-то эту песню, да хоть от той же бабки, научившей готовить. Не даром же самые удачные заклинания порой не находили в учебниках, а выкупали у собирателей песен и сказок.

Потому Тилль против воли задержался, чтобы ее послушать, и опомнился только тогда, когда на кухне снова показалась Белокосова, на этот раз в синем ученическом платье и с портфелем в руках. Еще на ней была шляпка, а плечи прятались под шерстяной накидкой.

Она быстро взглянула на Тилля, затем сосредоточилась на Глаше.

– Я поеду в университет, а потом узнаю о вечерней школе для тебя. Попробую договориться о занятиях на ближайшие дни.

– Как скажете, барышня.

Затем она удалилась, а Тилль сидел и разглядывал старые доски, которыми были оббиты стены. Такой разительный контраст с гостиной и библиотекой, будто о тех комнатах заботились, а на кухню практически не входили. Но Астрид жила уединенно, наверняка и готовила сама себе, в деньгах тоже не нуждалась, так почему не навела здесь порядок?

Нет. Правильнее спросить, какими ветрами пожилую даму занесло в эти края? Отчего бы ей не обосноваться поближе к людям? Как она выбиралась из этой глуши за покупками? Тоже ходила через лес вооружившись винтовкой на пару с Белокосовой? Или договорилась с кем-то о доставке? Так на этом разоришься. Тилль и сам вчера порядком поколесил по окрестностям, пока не нашел дом. А его мобиль куда быстрее и мощнее привычных в Тергороде повозок или трамваев.

Ярине тоже придется порядочно пошагать через лес, затем не меньше сорока минут трястись на трамвае. И сколько бы она ни болтала о револьверах и винтовках, вряд ли отобьется от серьезной компании. Такого-то воробья и травинкой перешибешь!

– Белокосова! – крикнул он в коридор, не надеясь, что его услышат, но хрупкая барышня почти сразу возникла на пороге.

– Я уезжаю на занятия и ваши кошелек и честь могут спокойно подремать примерно до пяти вечера.

– Решил рискнуть ими и подвезти вас, – махнул рукой Тилль.

– Спасибо, такая честь, но время уже поджимает.

– Куртку накину – и едем, сильно не подождет.

Ярина испуганно попятилась, будто Тилль грозился не просто подвезти ее, а заманить в лес и прикопать там под корнями дуба. Или хуже того – обесчестить. Тилль тоже слегка растерялся: раньше девушки от него не шарахались, напротив, старались держаться поближе.

– Да бросьте, во мне еще говорят сырники, до десяти минимум я добр и обходителен.

– Ладно, – осторожно согласилась она и сделала шаг навстречу. – Но учтите, что Глаша знает, с кем я уехала и при случае передаст подозрения жандармам.

– Ее я точно не расстрою.

– И приведите себя в порядок, не хочу пересудов, – строго заметила Белокосова. Ей бы еще очки на нос и платье потемнее – вылитая классная дама из их лица получится. Та отчитывала Тилля с такой же интонацией и усердием.

– Вы по пути хотите меня с матушкой познакомить? Или просто в свой университет поскорее добраться?

Она повыше задрала нос, выражая всю бездну презрения к неотесанным мужланам, затем пошала к выходу, расправив плечи. Тилль действительно захватил куртку и вытащил ключ от мобиля.

Даже по меркам Нюрнга или Фарузы мобили были редкостью, а Руда, с ее перепадами температур и обширными территориями, развивала железные дороги и трамвайные пути. Но Тилль уже так привык к своему мобилу, что не решился оставлять его дома. И не успел бы меньше, чем за сутки добраться до Тергорода на оглашение завещания Астрид.

Несносный Лайтнер шел за мной по пятам, пока не добрались до его монструозного железного зверя. Я не особенно разбиралась в мобилиях, но этот выглядел дорого благодаря черному хищному кузову и большим колесам. У нас в Тергороде таких не встречалось.

Ехать было непривычно и страшновато. Мобиль трясся, ревел двигателем и странно пах внутри. Я буквально утонула в спинке сиденья, с трудом пристегнула ремень и теперь разглядывала все эти непонятные рычаги и приборы. Стрелки на них метались, изредка рядом загорались непонятные огоньки, но Тилль оставался спокоен и никак не реагировал.

Я же изо всех сил сжимала дверную ручку и молилась про себя, чтобы Отец Небесный дал мне спокойно добраться до города. Зачем только согласилась? Не так и сложно пройтись через лес, а потом ехать на тихом и медленном трамвае.

– В чем-то я понимаю Астрид: здесь такая природа! – не к месту произнес Тилль.

Какая такая природа? Мы проносились мимо деревьев так, что только стволы мелькали. А вместо свежего лесного воздуха чувствовался только запах самого мобиля и его топлива. Не знаю, вдруг у них в Норнге так плохо с пейзажами, что наши и в размазанном от скорости виде прекрасны.

– Вы не знаете, почему она поселилась так далеко от людей? – продолжил он.

– Чтобы всяким аферисткам было проще ее обманывать.

Я изо всех старалась, чтобы мой голос звучал холодно и уверенно, но когда нужно перекрикивать мотор – это не так просто.

– Можете шутить, сколько вздумается, но решение Астрид все равно выглядит странно. С чего бы ей оставлять незнакомой девушке половину дома. Это почти как подарить мешочек с золотом или фамильную тиару.

– Я не просила о таком. Но бывала у госпожи Вильхоф пару раз в неделю, помогала ей и просто разговаривала. И внука она при этом не упоминала.

– Потому что она меня терпеть не могла, – со злостью ответил он. – Сколько бы ни пытался наладить отношения, Астрид меня игнорировала. Так и не смогла простить матери, что родила меня вне брака.

Значит, он действительно бастард кого-то из фей? Те не так часто появлялись среди людей в последние годы, еще реже – заводили потомство, так что господин Лайтнер был уни-

кумом. При этом магия ему давалась тяжело. Какая-то болезнь? Или перегорел из-за непо- сильного заклинания?

Спрашивать не буду. Не слишком-то и хочется слушать историю этого заносчивого типа.

– А вы хотя бы видели эту записную книжку? – снова заговорил он после долгой паузы.

– Ни разу, – честно ответила я. Соблазн соврать ему или навести туману был велик, но раз уж Тилль вызвался меня довезти, окажу ему ответную любезность. – Сама Пелагея Иго- ревна Крыжевская – преподаватель теоретической магии в нашем университете. Крайне суро- вая женщина, не удивительно, что баб... госпожа Вильхоф даже после смерти не хотела ходить у нее в должниках.

– Но записная книжка? Зачем ее одалживать?

Я пожала плечами. Тоже не понимаю. Но если приеду к университету до начала пар, то как раз успею зайти на кафедру магических дисциплин и спросить саму Пелагею Игоревну. Думаю, она и сама заинтересована в возвращении книжки и поделится информацией.

Вскоре шустрая машина выскочила из леса и покатила по пригороду. Здесь Тилль сбросил скорость, а вскоре был вынужден еле ползти, объезжая пешеходов, повозки и трамваи. Я втайне злорадствовала: и толку в городе от его пафосного мобиля? Но внутренний голос нашептывал, что это Тергород пока не тронут прогрессом, а в столице наверняка уже все пере- строивается под более скоростной транспорт.

И в целом это удобно: сели возле дома и выйдем неподалеку от университета, не при- шлось шагать пару верст до трамвайной остановки. Да и трястись в вагоне то еще удовольствие. И повезет, если получится сесть, а то я не раз проделывала путь стоя.

– Остановите вот здесь, – попросила я, едва заметив шпиль на университетской башне.

– Подъедем ближе, там и улица шире, удобнее будет парковаться.

– Здесь тоже неплохо. И если мы приедем вместе, то неизвестно, что люди подумают?

– Что мы живем вместе? – ехидно спросил он, а я только фыркнула. Мужчинам в этом плане проще: им такое соседство только в плюс, а юной девице – несмываемое пятно на репу- тации. Не то что бы я сильно волновалась об этом или собиралась в ближайшие годы замуж, но и сплетен не хотелось.

Тилль между тем и не подумал тормозить, поехал дальше. Но в момент, когда я уже была готова высказать ему все-все, остановился и заглушил двигатель. Дальше вышел и помог мне выбраться из салона.

– Я решил тоже заглянуть в ваш университет и познакомиться с Пелагеей Крыжевской, – оповестил он. – Потолкую с ней о том, чем жила Астрид в последние годы.

Ага, как же! Кроме описания книжки его ничего не интересует. Украл мою идею и не раскаивается!

Хотя, при здравом размышлении, поговорить с самой Крыжевской – здравая и очевидная мысль, вполне логично, что она пришла не мне одной. Плохо то, что у Тилля будет целый день на поиски, а я вернусь домой поздним вечером.

– И раз нам по пути, – продолжал он, – можем пойти вместе. Я, знаете ли, завидный жених, вам не стоит стесняться моей компании.

– Что, есть чем поживиться по части наследства? – поинтересовалась я. – Аферистки вроде меня по мелочи не работают!

– Уж побольше, чем у бабули. Поэтому, не упрись вы, отделались бы одной библиотекой в обмен на дом.

– Попроси вы нормально – забрали бы библиотеку в первый же день. А теперь мне, как порядочной аферистке, не положено уступать дом без боя.

Он на это закатил глаза, отобрал мой ученический портфель и пристроился рядом еще и локоть подставил.

Я окинула взглядом его потертую куртку, светлую рубашку с расстегнутым воротом и темные брюки. Ведь приехал же в том, в чем ходил по дому, а выглядит все равно хорошо. Вот что значит фейская кровь! Проснулся, умылся, натянул первое попавшееся под руку – и уже красавчик. Спешащие в университет студентки шеи выворачивали ради его ответного взгляда, но Лайтнер сосредоточился на мне и стоял с оттопыренным локтем.

Со вздохом я положила руку на его предплечье и пристроилась рядом. Пусть болтают, что хотят. Чего мне бояться после того, как поселилась в одном доме с неженатым мужчиной?

Тилль шагал уверенно, распрямив плечи, мне тоже пришлось вытянуться, чтобы не смотреть рядом с ним зашуганной девчонкой-подростком. Знала бы, оделась получше, а не в это синее платье.

Часы на главной университетской башне показывали, что до начала занятий еще четверть часа, как раз хватит времени зайти к госпоже Крыжевской. Тилль все не отлипал от меня, еще и ухитрялся здороваться со всеми встречными, даже нашел нескольких знакомых.

– Многие стажируются в университете Монка, а я там читаю лекции и веду практические занятия, – пояснил он.

– Преподаете?

Признание в том, что он внебрачный сын норнской королевы удивило бы меня куда меньше. Вот этот заносчивый, самоуверенный тип – преподаватель? Наверняка его студенты оценок выше «удовлетворительно» и не видели.

– Ушел в университет, как комиссовали со службы после ранения.

Еще и служил. Маги если попадали в армию, обычно были на особом счету. Они как артиллерия или конница – мощная ударная сила, которой дорожат и берегут. Но и отпускают неохотно. И если Тилля комиссовали, значит его травма не позволила больше пользоваться магией. Потому он и не носил специального значка и так отреагировал на вчерашнее заклинание.

Я не стала жалеть его вслух, но сердце будто потяжелело. Пусть он и не самый милый человек, но жизнь его тоже больно ударила. Расспрашивать его я бы не решилась, Тилль тоже не горел желанием делиться, но оно и к лучшему.

Тергородский университет считался одним из лучших во всей Руде. Не все столичные могли с ним тягаться, а студенты собирались с разных концов страны, приезжали даже из Норнга и Фарузы. Хватало и темнокожих южан, и даже загадочных Хиньцев. Многие здесь, как и я, учились по социальной программе, бесплатно и со стипендией, в обмен мы приобретали обязательство отработать на благо Руды не менее десяти лет. Но хватало и тех, кто оплачивал обучение ради возможности похвастаться дипломом.

Обязательства меня не пугали, все равно не собиралась менять место жительства или полностью уходить в частную практику, а родители считали, что помаюсь дурью до замужества, а дальше буду рожать детей до конца обязательного срока. За каждого младенца давали два года в счет отработки, так многие девушки и оседали дома. Но я о таком и думать не хотела. Мне нравился старорудский и прочие языки, нравилось корпеть над переводами и словарями или же составлять заклинания. Не все будущие маги были хорошими лингвистами, поэтому специалисты моего профиля не сидели без работы.

Госпожа Крыжевская в это время уже прибывала на кафедру, заваривала себе чай и церемонно пила его из крохотной чашки, одновременно болтала с другими преподавательницами и подправляла макияж, а то и прическу. Сколько бы раз я ни заходила сюда в разное время, неизменно видела ее с коробочкой туши в руках и помадой.

Но высокая, яркая и громогласная Пелагея Игоревна могла себе это позволить: ее студенты всегда неплохо знали теорию магии. Даже я в ней разбиралась, хотя посещала занятия факультативно, в составе сборной группы для всех желающих.

И все равно, оказавшись под дверью кафедры, я замялась. Затем постучала и приоткрыла дверь.

– О, Белокосова, заходи! – тут же махнула рукой Крыжевкая. Другие же преподаватели сдержанно ответили на мое приветствие и погрузились в свои дела.

Кто-то пил чай или кофе, другие болтали между собой, а остальные заполняли рабочие документы или составляли планы занятий. На меня они не обращали особого внимания. Помнили, что я числюсь старостой в своей группе, поэтому часто хожу по разным кабинетам и дергаю преподавателей.

Тилль, напротив, и здесь нашел знакомых, с которыми успел перекинуться парой слов и договориться о встрече на выходных. Подумай только, какой востребованный молодой человек! И все-то его знают, и все-то ему рады. Но задерживаться он нигде не стал, подошел вместе со мной к Крыжевской, чмокнул ее руку, затем рассыпался в комплиментах.

Ах, уважаемая Пелагея Игоревна, как вы прекрасны, сколько хорошего о вас говорят бывшие студенты, и бабушка моя отзывалась о вас очень тепло. Она тут же посочувствовала его утрате и поинтересовалась, чем может быть полезна. И, могу поспорить, щеки всегда невозмутимой Крыжевской заалели от комплиментов смазливой полуфея.

Тилль не стал лукавить и честно изложил, в чем причина нашего интереса. Только вывернул все так, будто мы здесь не ради дома, а сплотились с одной единственной целью – вернуть Пелагее Игоревне ее записную книжку.

– Но прошло почти двадцать лет! – она всплеснула руками, чуть не опрокинув пудру и тушь. – Тогда Астрид ни с того ни с сего заинтересовалась базисами построения заклинаний, искала информацию, а я дала ей свою книжку, которую заполняла еще студенткой. Я-то давно все наизусть знаю, но и выбросить ее рука не поднималась. Там же все систематизировано и понятно, отличное бы вышло пособие, жаль, так и не решилась его издать. Мы очень дружили с Астрид, поэтому и поделилась с ней наработками. В те времена, могу сказать, я брала не меньше двух серебряных за право заглянуть в мои записи и что-то переписать. Уже после пошли учебники от Нагорского и Белля, затем Красниковой. Но я уверена, что и они многое взяли у меня. В ту пору никто не разбирался в теме лучше.

Я слушала и кивала. Даже если это и было так, то прошло столько лет, магическая наука шагнула далеко вперед, да и переведенных заклинаний стало на порядок больше. Уже не было нужды платить столько денег за чьи-то заметки, отличные и понятные книги лежали в обычных библиотеках. Наш государь был заинтересован в новых магах и делал все возможное для роста их числа.

– А как выглядела эта книжка, не припомните? – осторожно спросил Тилль, прерывая поток воспоминаний Крыжевской.

– Конечно же припомню! Я не привыкла разбрасываться своими вещами! Размером как половина тетради. Темно-зеленая обложка с выдавленными вензелями, на внутренней стороне мое имя. Если найдете, то не перепутаете. Приятно, что Астрид не забыла о ней и решила вернуть мои записи, вдруг все же соберусь их издать.

Мы слаженно поблагодарили ее и быстро скрылись с кафедры, пока Пелагея Игоревна не вспомнила еще что-то с времен своей молодости.

В коридоре Тилль шумно выдохнул и запустил пальцы в волосы, разом став похожим на студента, а не серьезного преподавателя. На нас сразу же вытаращились. Стайка студенток без всякого стеснения застыла неподалеку и теперь бросала в Лайтнера кокетливые взгляды.

– С этой книжкой дело нечисто, – заметил он. – Астрид была умной женщиной, она понимала, что Крыжевской не издать свои записи тридцатилетней давности.

– Скорее – сорока, – поправила я. При всем моем уважении Пелагея Игоревна далеко не вчера была студенткой, с тех пор много воды утекло.

– Тем более. И сам срок: двадцать лет не отдавала, но после смерти решила вернуть? Еще и через нас.

– Астрид любила загадки. Вдруг эта записная книжка – ключ к чему-то большему.

– Или она решила нас разыграть. Составила такое условие, а саму книжку потеряла примерно на следующий день после того, как одолжила. И быть нам соседями вечно.

– Не говорите мне такие страшные вещи перед учебой!

– У меня и самого так в горле пересохло, что аж ладони вспотели, – в тон мне ответил Тилль. – Надеюсь, мы сможем избежать страшного совместного будущего, даже готов потрудиться ради этого. Вы-то все равно на парах часов до трех.

– До половины пятого, – уточнила я.

Тилль покачал головой, пробормотал «какая жалость», но на деле не подумал уходить.

– Возможно, Астрид что-то такое упоминала перед смертью? – он поглядел мне в глаза с непонятым выражением.

– Записки Крыжевской точно нет, – отмахнулась я. – Мы говорили в основном о переводах, криптографии, университете. Госпожа Вильхоф почти никуда не выезжала и принимала немного гостей, поэтому всегда интересовалась новостями.

– А кто возил ей продукты? Нет, я верю в вашу доблесть, но если тащить корзины в обеих руках с запасом еды на неделю, то как тогда отстреливаться от грабителей? Револьвер ведь держать нечем.

Шутки у него странные, зато зеленые глаза так и сверкают смешинками. Ему будто нравится меня злить и наблюдать за реакцией. А может быть ждет, когда же из меня полезет то гнилое нутро, которое и подтолкнуло выманить у беззащитной старушки половину дома.

Почему не целый – большой вопрос, надо будет узнать, какие теории на этот счет выстроил Тилль. Вот у кого талант подозревать остальных неизвестно в чем.

– В наших лесах безопасно, – я скрестила руки на груди и тогда заметила, что мой ученический портфель до сих пор у этого фейского нахала. – А если разбойники и встречаются, то ближе к норнгской границе.

– Логично. Чем у вас тут поживиться? Пирожками и тетрадами?

– Ну знаете!

Я развернулась и быстро направилась в сторону своей учебной аудитории. Хватит с меня того, что Лайтнер не любит меня, но обижать всю Руду – это уже слишком! Между прочим в его драгоценном Норнге преступников было не меньше, да и благосостояние не выше. Лично я там не бывала, но бабушка Рита выписывала их газеты, так что новости я читала для языковой практики. И вообще. Интересно же, как живут за границей. Тем более норнгцы куда приличнее фарузов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.